

**ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ ГОРОЖАНОК В XVI–XVIII вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА)**

Н. Н. Рытова

кандидат исторических наук, доцент
Белорусско-Российский университет

Статья посвящена изучению повседневной жизни белорусских горожанок в XVI–XVIII вв. Анализ источников по данной теме позволяет выделить следующие этапы жизнедеятельности представительниц прекрасного пола: детство и деви́чество (с момента рождения и до вступления в законный брак), жена и мать, вдова, каждому из которых присущи свои особенности. Изменение социального статуса женщины оказывало огромное влияние на ее права и обязанности.

Ключевые слова: повседневная жизнь горожанки в XVI–XVIII вв., права и обязанности горожанок, белорусский город в XVI–XVIII вв., опека мужа, экономическая деятельность горожанок.

Введение

Представленная статья посвящена изучению повседневной жизни белорусских горожанок в XVI–XVIII вв. Белорусские исследователи практически не обращались к проблеме повседневной жизни горожанок. Они рассматривали положение представительниц шляхетского сословия как в семейном кругу, так и за его пределами, в обществе (Н.С. Гордиенко, Л.Я. Климу́ть, Д.Н. Скютте, Н.В. Слиж) [1–5]. Имеются также работы, характеризующие правовую сторону семейно-брачных отношений (Г. Дербина) [6]. Некоторый свет на положение горожанок проливают труды И.А. Марзалюка, в которых автор затрагивает отдельные аспекты межличностных взаимоотношений в семьях белорусского мещанства [7–9]. В то же время повседневная жизнь белорусских горожанок остается практически неизученной.

Основная часть

Анализ архивных материалов позволяет выделить в жизни белорусских горожанок следующие этапы: деви́чество (с момента рождения и до вступления в брак), жена-мать, вдова. Каждой из этих фаз были присущи свои особенности и характерные черты.

С момента своего рождения девочка, как, впрочем, и любой несовершеннолетний ребенок, находилась на попечении родителей, прежде всего, матери [10, с. 219]. В случае смерти одного из родителей ей назначался опекун. В случае смерти матери в качестве опекуна выступал отец [11]. В случае кончины главы семейства эту роль на себя брала мать (мачеха) [10]. Однако чаще всего подобная ситуация наблюдалась при отсутствии иных родственников мужского пола [10, с. 226]. Несмотря на приведенную выше норму закона, женщина все же имела возможность обратиться к опекунам с просьбой передать ей на воспитание дочь, что нашло воплощение в реальной практике. Как и поступила в 1577 г. Овдотья, вдова Василия Поненка, могилевского мещанина. В результате ее дочка, Евгения, была передана матери под опеку [12, с. 38–39]. Подобные случаи были нечастым явлением, тем более что даже для вдовы назначался опекун.

В начале XVIII в. в актовых книгах Могилевского магистрата зафиксированы случаи передачи опеки над несовершеннолетними не состоящим в браке горожанкам: «*Мария Микитовна Возувна в стане паненском будучая <...> зезна́нье свое добровольное до Актво́в мести́ могилевско́го теми́ слова́ми учинила, иж по теперешнем зле военном <...> не имея себя, как и Семена Микитинича, Парасью́ и Аксю́ты Микитиничи́ брата́ и сестр своих в летах недорослых будующих чем кормить <...> для тех причин продала моркґ сеножатный...*» (1709 г.) [13, л. 109 об.]. Данная практика выходила за правовые нормы и, скорее всего, была обусловлена сложной обстановкой, связанной с событиями Северной войны.

Девушка находилась на попечении ровно до того времени, пока не вступит в законный брак. Если мальчиков, когда им исполнялось 7 лет, белорусские горожане старались обучить грамоте либо ремеслу, которое в последующем позволит обеспечить им существование [14, с. 339], то девочек приучали заниматься домашними делами. Некоторые из них помогали родителям по дому [14, с. 94–96], неко-

торых отправляли в служение к чужим людям, например, чтобы те помогали присматривать за маленькими детьми: «*Постановишце очевисто учтивая Федора Волковъна Іармолина* <...> *жаловала на Улюту Адамовую меццаньку Могилевскую о то ижъ она девчину а цорку свою которую водила на службу до воскресения* <...> *за пол комці и гроши чотыри для пилнования дитяти...*» [15, л. 19 об.].

Вступить в брак белорусская горожанка могла только достигнув брачного возраста. В соответствии со Статутами ВКЛ в начале XVI в. брачный возраст для девушки составлял 15 лет, а к концу этого же века был снижен до 13 [10 с. 225; 16, с. 38; 17, с. 142].

Важную роль при формировании новой семьи играли родители. Они обязаны были позаботиться о судьбе своих детей, в особенности это касалось девушек. Отец и мать выбирали будущую партию и устраивали брак. Заключение брачного союза без согласия родителей будущих супругов считалось недопустимым [18, л. 85]. Ослушание со стороны дочери наказывалось: родители могли лишить ее наследства [16, с. 137]. В то же время в актовых книгах Могилевского магистрата зафиксированы случаи, когда отец, желая счастья своей дочери, интересовался ее мнением. Так поступил в 1579 г. Сенко Ботвиневич: «<...> *ач дей я отдаючи дочку свою замуж, пытал ее, если бы хотела за того доброго человека...*» [14, с. 182–183].

Помимо этого, родители обязаны были дать за своей дочерью приданое. Следуя этой традиции, белорусские горожане, даже составляя завещание, учитывали этот момент [14, с. 198–199]. Следует отметить, что если у главы семьи было несколько дочерей, то они наделялись одинаковым приданым, причем вне зависимости от материального благосостояния родственника (опекуна), который выдавал девушку замуж: «*Кгда Улита, сестра моя, шла замуж, тогда я ей почал упоминат то, иж ее з достаткомъ великимъ выдат не могучы, за тым, же самъ должен, але по убожеству за ведромъ пива, нижли сама просила мене, же ямъ, дей еси першую сестру замуж выдал, так и мене выдай...*» [14, с. 550–551].

Приданое могло состоять из различного рода вещей, скота, определенной денежной суммы: «*Аврамъ Іаковлевич оповедал* <...> *иж што* <...> *за тестаментом дочки свое Аннуши* <...> *обжаловал был меццинина государьско-го Могилевского Увара Василевича, бывшего зятя своего* <...> *о спадки, внесена ее, которые*

была она, идучи за него в стан малженский <...> *внесла, то ест меновите: асіан лионский чирвоный з оксамитамъ* <...> *сіан мышинский серый* <...> *чепец золотый* <...> *брашка перловая* <...> *корова одна доморослая, скатерть, а между пудов пять...*» [12, с. 156–157]. Временами в качестве приданого выступало недвижимое имущество: «*Евлан и Отрошко, перед судом* <...> *сознали то, иж кгда Овсей дочку свою в малженство за Мишка Лукіановича довал, тогда вместо посагу готовыхъ грошей, то ест водлугъ звычайу тутошнего краю, у приданстве за дочкою своею тот дом* <...> *ему на вечность дал...*» [12, с. 75]. Размер «посага» во многом зависел от материального благосостояния родителей: «*Учтивы Андрей Похобович чинил оповедане и светчене на учтывого Андрея Атрошъковича, штож дей дал есьми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есьми сукъню порпурияновую, чорную корову, узголовье и перину, скриню...*» [14, с. 15–16]; Павел Капуста дал за своей дочерью следующее приданое «*Напирвей сукна синего люнского сукна, у которую управил гр(о)ши копъ тры, шапъку акъсамитную, купленую за две копе гр(о)ши, сорочокъ добрых тонкихъ десет, чепъцовъ з седмъ, перины и узголовье з наволочками тонкими, гр(о)ши готовыхъ копъ пят, свиню одну, овцу одну, телицу одну...*» [14, с. 88–89].

После заключения брачного союза, согласно нормам магдебургского права, женщина и все ее имущество оказывались под «опекой» мужа: «*Если муж берет жену, то он берет в свое владение все ее имущество в порядке правомерной опеки* <...>. Муж не может приобрести никакого другого права владения на имущество жены, кроме того, которое он приобрел с самого начала в силу его права на опеку» [11, с. 31]. Подобная опека накладывала некоторые ограничения на действия замужней горожанки в отношении ее имущества: «*Иванова Максимова через прятеля и опекуна своего* <...> *жаловала на учтывого Тишъка Зенов(ова), меццинина Могилевского, о томъ, ижъ купилъ у мене полотна локот чотырнадцат, за которое учинит, грши дводцат два п(е)н(я)зи чотыры, нижли, не ведат зачымъ, гр(о)ши отдати не хочет. В учтивы Тишъко поведил, иж она з мужомъ своимъ сторговали у мене домъ опрочъ пляцу, за которы задатку тое полотно мне она дала была. А сторона поводовая поведеила, иж у него я дому някого не торговала и о томъ не ведаю. А мы, выслушавши жалобы и отпору стороны, обачаючи*

иж жона без ведомости мужа своего дому торговат не могла, с тей причины сказали, абы Тишюко той Ивановой за тое полотно тую твадцет два гр(о)ши п(е)н(я)зи чотыры за дву недели досыт учинил» [14, с. 285]. Таким образом, горожанка лишалась возможности самостоятельно заключать сделки по купле-продаже недвижимого имущества. Однако в актовых книгах городских магистратов XVI–XVII вв. данного рода сделки не только зафиксированы, но имели законную силу: «...Маря Левановая Кондратовича через опекуна (...) оповедала тыми словами, иж дей продала есми пляц свой властный (...) учтивому Максиму Опанасовичу, мещанину места Могилевского, за певную, а мне от него взятую суму пен(я)зей...» [14, с. 286].

Опека со стороны мужа не ограничивала экономическую активность замужних горожанок. Они достаточно часто являлись владелицами питейных заведений: «Ставши очевисто Мишко Орель, жаловал на Пеклу Гришковую, иж будучи у нее, яко у дому корчомном, казал есми собе дат меду за гр(о)шей пят, а болей не казал, доват, нижли она на мене нанезши меду над то, штом, ей казал, а сукно з мене знала, менечи, же за полкопы напил, а тепер сукни отдати не хочет. А Пекла Гришкова поведила (...) же он казал доват меду, поки б самъ хотел и жолнеров честоваль, и напивши пол копы гр(о)шей, сукню свою дал...» [14, с. 605–606]; выступали в качестве кредиторов, причем как по отношению к своим родственникам: «Настася Озаровая, мещанка могилевска(я), жаловала и оповедала на учтывого Кондрата Ошурковичи, брата своего (...) о томъ, иж дей у мене позычил чотырок копъ гр(о)ши...» [14, с. 81], так и для посторонних людей: «Арина Тимошкова, через приятеля и опекуна з уряду приданог(о) (...) чынила сознание о томъ, иж што был винен десет коп гр(о)шей монеты и личбы литовской водлуг книг описанног(о) головног(о) учтивый Тишко Пртемович, мещанин Могилевский, за тую суму пн(я)зей досыт учинил и заплатил...» [14, с. 471].

В то же время супруг, являясь законным представителем своей жены, нередко выступал в качестве истца в суде: «Семень Мацькович именемъ жоны своей Варки Семеновой жаловаль и оповедаль на учтывого Марка а Сашка Яковлевичовъ, мещанъ Могилевскихъ, о томъ ижъ они обадва (...) остави винни на опис свой властны копъ чотыры безшести гр(о)шей монеты и личбы литовской...» [14,

с. 166]. В данном случае Семен защищал интересы своей супруги без ее участия. Бывали также случаи, когда мужчина выступал в суде вместе со своей женой: «Федя жаловала через мужа Федора Демьяновича...» [14, с. 423]. Как видим, с иском обращается сама женщина, мужу скорее отводится функция человека, который придает словам женщины большую весомость. Подобная практика была связана с тем, что, согласно городскому праву, муж являлся опекуном жены [11]. В том случае, если муж по каким-либо причинам не мог отстаивать интересы своей супруги в суде, а также в случае его смерти это делал опекун-мужчина, которого выбирала женщина сама: «Маря Костюкова, мещанка Могилевская, жаловала через приятеля и опекуна своего...»; «Оришля через приятеля и опекуна (...) жаловала на Васка Кучу...» [14, с. 407, 495], либо таковой назначался магистратом: «Марина Жидкая жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого...»; «Маря Костюшкова, мещанка Могилевск(а) через приятеля и опекуна з уряду приданог(о)...» [14, с. 369, 499]. Однако, следует отметить, что жительницы городов не всегда следовали данному предписанию. Например, 28 ноября 1579 г. в суде Могилевского магистрата Анна Мишкова Волкова самостоятельно подала иск в суд: «Ганя Мишкова Волкова жаловала на учтывого Гарасима Васковича Стрелникова о томъ, иж был винен на цырокграфъ свой коп девяност, на который цырокграфъ свой не заплатилъ мне еще деветнадцать гр(о)шей...» [14, с. 446].

Таким образом, в XVI–XVII вв. горожанка, состоящая в браке, обладала довольно значительной экономической самостоятельностью, хотя и сохранялись внешние признаки «опеки» со стороны родственников.

В рассматриваемое время довольно самостоятельной женщиной в экономическом плане могла быть и вдова-горожанка, хотя, в соответствии с законодательством, должна находиться под опекой мужчины [19, с. 53]. Наследуя за своим усопшим супругом, вдова не только получала право собственности на наследственную массу, которой имела возможность распоряжаться по своему усмотрению («Евдокия Прекотиха (...) сознание свое до Актов места могилевского учинила, что продала пляц с домом (...) себе по малжонку своим спадковым правом принадлежащий...» [20, л. 129]), но приобретала целый ряд прав. В частности, реальная практика фиксирует случаи, когда вдова подает иск в суд с целью

взыскания долгов: «Мещанка Могилевска(я) Адаря Гритковая Ивановича (...)» жаловала на учтывого Пантелея Даниловича (...) иж онъ водлугъ листу и запису своего, которы дей дал был небоицику мужу моему Гритку Ивановичу на две копе гр(о)иши, которых позычил у небоицика, якож небоицикъ, зсходечи сего света, вжо на остаточной воли своей отписалъ тестаментом своимъ на томъ кликуне копу гр(о)иши, а другую ему отпустил, якожь и листъ покладала перед урядомъ тог(о) кликуна на две копы даны позычонымъ обычаемъ у небоицика мужа ее...» [14, с. 66–67]; получения доли в военной добыче супруга: «Малая, жона позосталая небожчыка Санка, а Вася, позосталая теж жона Андрея, жаловали через приятелей и опекунов своих (...)» на учтывого Парфена о томъ, иж онъ, Парфен, будучи в одномъ товаристве за границую Московскую под Рославлемъ, нижли тамъ мужов н(а)ших побил, а добычи части, что на нихъ придет, отдати намъ не хочет и у себе ее ховаеть...» [14, с. 382]. В то же время она, как наследница, обязана была погасить все долги, которые оставил ее муж: «Явгиня, мещанка Могилевска(я) (...)» сознала (...) иж маючи пилну потребу выплачивати долги небосчыка мужа своего Овтуха, продадемъ комору на риньку в месте Могилевскомъ (...) которая мне дей досталася по небосчыку мужу моему...» [14, с. 35].

В рассматриваемое время вдова-горожанка обладала большей свободой действий, чем любая другая представительница слабого пола. Она участвовала в сделках, касающихся недвижимости: приобретала и продавала недвижимость, дарила объекты недвижимости, арендовала землю [14, с. 33, 462; 21, л. 755], предоставляла денежные средства в долг («Авдотя Гордеевна позосталая жена небожчыка Ероша (...)» жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого (...) на учтывого Федка Санковича, мещанина Могилевског(о), о томъ ижъ он остал винен на цырокграфъ свой коп три гр(о)ишей под певными варунками и облик-гациями, в томъ цырокграфе его описанными, которые мел отдат в року семьдесят осмом на страстной недели, нижли рокъ давно минул, а мне тых грошей отдати не хочет...» [14, с. 395–396]). Нередко, вдовствующие горожанки содержали питейные заведения: «...Марина жаловала через приятеля и опекуна своего (...)» на учтывого Карпа Озаровича, подскарбего, о томъ, иж онъ у мене попил меду за петдесят без трех гр(о)ишей, которых отдати не хочет...» [14, с. 340].

Заключение

Таким образом, в XVI–XVII вв. женщина должна была находиться под опекой либо родственников-мужчин (незамужняя девушка в редких случаях попадала под опеку матери). Однако в повседневной жизни о реальной опеке, наиболее приближенной к статьям законов, можно говорить лишь в отношении незамужней девушки. Горожанка же, состоящая в браке, а также вдова обладали довольно значительной экономической самостоятельностью, хотя и сохранялись внешние признаки «опеки» со стороны родственников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гардзіенка, Н. С. Становішча жанчыны-шляхцянки ў Вялікім княстве Літоўскім у XVIII стагоддзі : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Н. С. Гардзіенка ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2003. – 20 с.
2. Клімуць, Л. Я. Жаночы вобраз у шляхецкай культуры ВКЛ / Л. Я. Клімуць // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. – 2003. – № 2–3. – С. 22–35.
3. Скутте, Д. Н. О правовом положении женщины по статуту ВКЛ 1588 г. / Д. Н. Скутте // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук. артык. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – С. 95–99.
4. Сліж, Н. Статус жанчыны-шляхцянки ў ВКЛ (XVI–XVIII стст.) / Н. Сліж // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 4. – С. 47–63.
5. Сліж, Н. У. Сямейнае і штотдзённае жыццё Гальшкі Гаслаўскай / Н. У. Сліж // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук. артык. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – С. 270–277.
6. Дзербіна, Г. Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. Дзербіна. – Мн. : Тэхналогія, 1997. – 175 с.
7. Марзалюк, І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
8. Марзалюк, І. А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы / І. А. Марзалюк. – Мн. : Веды, 1998. – 260 с.
9. Марзалюк, І. А. Матрыманіяльнасць і сэкс у Беларусі XI–XVIII стст. / І. А. Марзалюк // Тетра Alba. Т. 2 : Homo venerius: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С. І. Даніленкі; Магілёўскае таварыства інтэлектуал. і культур. ініцыятыў «Брама». – Мн. : Экаперспектыва, 2001. – С. 122–138.

10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.
11. Эйке из Репкова. Саксонское зеркало : в 3 ч. Ч. 1 : Земское право. Кн. 1 / пер. Л. И. Дембо. – М. : Наука, – 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frames1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007.
12. Историко-юридические материалы : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 30 : Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д. И. Довгялло. – 1903. – 360, 164 с.
13. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 47 : Актовая книга Могилевского магистрата: 1 января 1710 г. – 31 декабря 1710 г. – 590 л.
14. Акты Виленской археографической комиссии : в 39 т. – Вильна : Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
15. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 18 : Актовая книга могилевского магистрата: 2 января 1649 г. – 31 декабря 1649 г. – 919 л.
16. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К. И. Яблонска – Мн. : Академия наук БССР, 1960. – 253 с.
17. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / рэдкал. : Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мн. : Тэсей, 2003. – 315 с.
18. РГБ. МК – Номаканон. – Киев, 25.11.1624. – 180 л.
19. Bogucka, M. Białogłowa w dawnej Polsce : Kobieta w społeczeństwie polskim XVI–XVIII wieku na tle porównawczym. / M. Bogucka. – Warszawa : «Trio», 1997. – 252 s.
20. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 39 : Актовая книга Могилевского магистрата: 1 января 1702 г. – 30 декабря 1702 г. – 749 л.
21. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 41 : Актовая книга Могилевского магистрата: 1 января 1704 г. – декабрь 1704 г. – 655 л.

Поступила в редакцию 23.06.2021 г.

Контакты: annatasha@list.ru

(Рытова Наталья Николаевна)

Rytova N. N. THE LIFE OF BELARUSIAN TOWNSWOMEN IN THE XVI–XVIII CENTURIES (ACCORDING TO THE REGISTERS OF MOGILEV COUNCIL)

The article is devoted to the study of the Belarusian townswomen's life in the XVI–XVIII centuries. The analysis of archival documents enables the author to single out the following phases in women's life: childhood and girlhood (since the moment of birth till marriage), wifehood, motherhood and widowhood. Each of these phases had its own peculiarities. The change of social status influenced women's rights and duties.

Keywords: daily life of townswomen in the XVI–XVIII centuries, rights and duties of townswomen, Belarusian town in the XVI–XVIII centuries, husband's custody, economic activity of townswomen.